

ДЕКОРАТИВНАЯ ПЛАСТИНА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 5 КУРГАНА 3 МОГИЛЬНИКА КИЧИГИНО I

В. В. Молчанова¹, А. Д. Тауров²

¹ *Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация*

² *Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация*

В статье анализируются фрагменты золотой фольги, найденные при исследовании погребения 5 курган 3 могильника Кичигино I. Изначально они, вероятно, являлись частями ажурной декоративной пластины со сценой терзания, выполненной в традициях скифо-сибирского звериного стиля. Предполагается четыре варианта реконструкции формы изделия. Стилистические и технологические характеристики пластины, значительно отличают ее от других украшений, найденных как в погребении 5, так и кургане 3. Скорее всего, она не является продукцией местных мастеров, однако место ее изготовления и обстоятельства попадания на Южный Урал остаются неясными.

Ключевые слова: Южное Зауралье, ранний железный век, звериный стиль, декоративная пластина, украшения.

Среди множества ярких предметов, выполненных в традициях скифо-сибирского звериного стиля, обнаруженных при раскопках могильника Кичигино I в Южном Зауралье, как-то затерялись небольшие фрагменты золотой декоративной пластины с изображениями животных в нетрадиционной для Южного Урала манере. С целью технологической и иконографической характеристики, а также реконструкции первоначального вида этой пластины и предпринято данное исследование.

Могильник Кичигино I находится на крайнем юге лесостепной зоны Южного Зауралья, на левом берегу Южноуральского водохранилища на реке Увелька, в 1,5 км к западу от села Кичигино Увельского района Челябинской области. Занимает площадку на вершине господствующей возвышенности (гора Тушканская) в излучине реки Увелька при впадении в нее реки Кабанка.

Некрополь состоял из 10 курганов, расположенных нерегулярной цепочкой, вытянутой вдоль общей направленности склона возвышенности. Диаметр их грунтовых насыпей колеблется от 14 до 35 м при высоте 0,1—1,5 м.

В 2007 году в ходе охранных работ, проводимых Южно-Уральским государственным университетом совместно с Институтом истории и археологии УрО РАН и Челябинским областным краеведческим музеем, исследован курган 3. Диаметр его земляной насыпи составлял 30 м, высота не превышала 0,5 м. В центре подкурганной площадки выявлены остатки сгоревшей деревянной конструкции, сооруженной на поверхности выкида, уложенного кольцом вокруг центральной могильной ямы 6. В южной половине подкурганной площадки исследовано пять могильных ям с подбоем вдоль длинной боковой стенки, впущенных в уже существующую насыпь кургана. Располагались они полукольцом вокруг центрального погребального сооружения. В погребальную камеру умершие укладывались на спину в вытянутом положении.

Особенно интересным оказалось обнаруженное в могильной яме 5 захоронение женщины в возрасте

45—55 лет¹. Рукава и верх ее платья были расшиты мелким бисером, а обшлаг правого рукава еще и листочками тонкой золотой фольги. Запястья обеих рук украшали браслеты в полтора оборота, бронзовая основа которых обложена золотым листом, и низки бус из полосчатого агата. На безымянный палец правой руки было надето спиральное многовитковое кольцо из золотой круглой в сечении проволоки. Такое же кольцо найдено на месте безымянного пальца левой руки. На шее женщины находилась гривна с зооморфными окончаниями в виде лежащих хищников. На предплечье погребенной лежало зеркало с длинной боковой ручкой, а в ногах поставлен небольшой бронзовый котелок. Ниже кисти правой руки были размещены оселок, железные ножи и шило, костяная ложечка.

Все вводные погребения в кургане 3 совершены в первой половине IV в. до н. э. [9, с. 139—145].

В данном исследовании мы остановимся лишь на фрагментах золотой фольги, найденных у запястья правой руки погребенной (рис. 1, 1) и которыми, вероятно, были обшиты обшлага рукава. Всего обнаружено 19 фрагментов, размеры которых варьируют в пределах от 0,4 до 2,4 см, толщина не превышает 0,1 см (рис. 2). На них изображены фигуры животных (оленья и кошачьего хищника), а также орнаментальные элементы (рог сайгака, стилизованный в виде розетки). Представленные образы животных традиционны, в целом, для скифо-сибирского звериного стиля. Очевидно, что все найденные фрагменты являются частями единой декоративной пластины. Исходя из этого посыла, была сделана попытка реконструкции первоначальной формы изделия. Несомненно, сохранилась только часть фрагментов, а те, что найдены при погребенной, были разделены еще в древности. Реконструкция вероятной формы пластины проходила в два этапа, включающих а — анализ технологических характеристик

¹ Антропологическое определение пола и возраста выполненными Е. П. Китовым (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН).

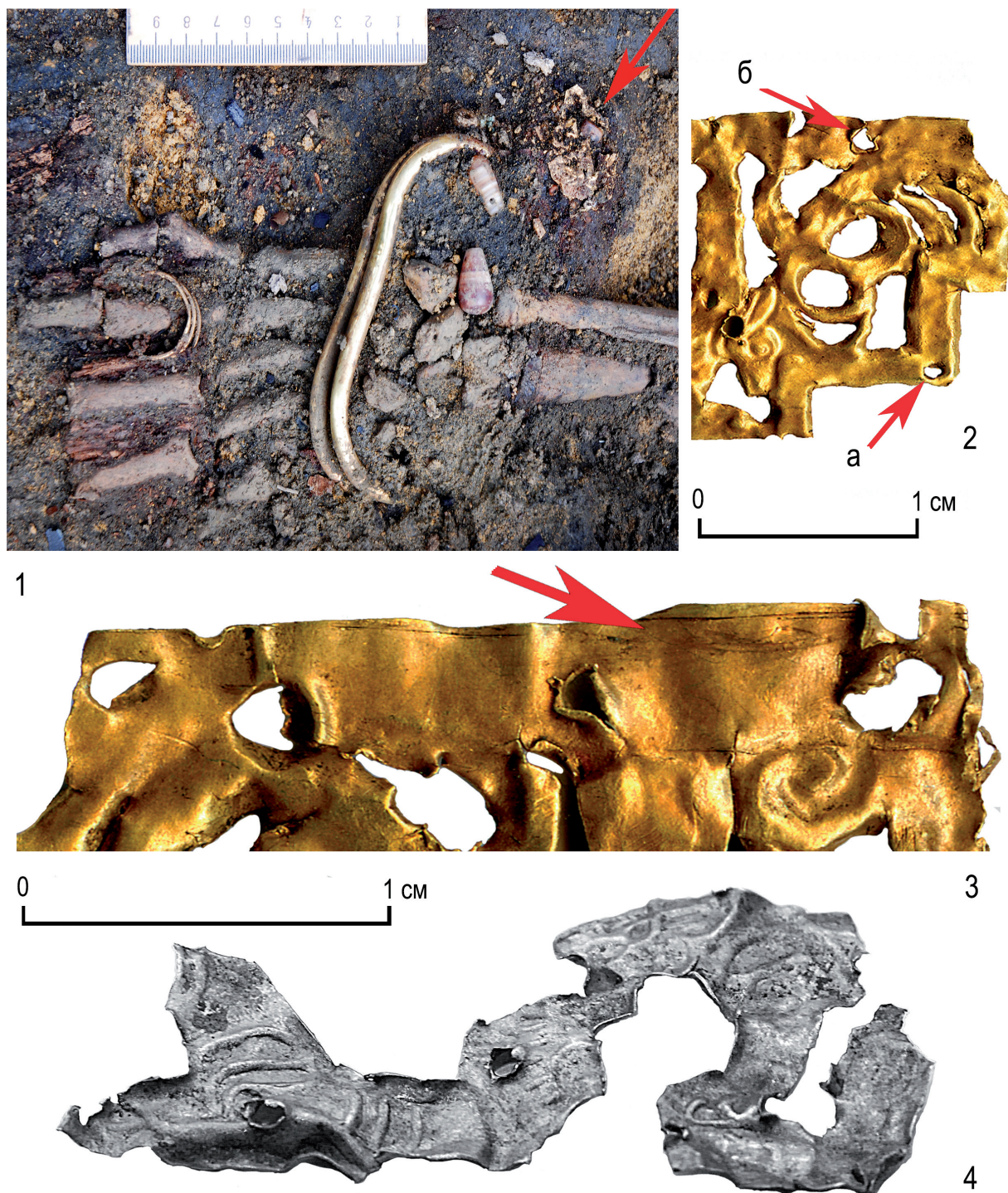

Рис. 1. Fragments decorative plate from the burial 5 of the Kichigin I necropolis.

1 — location of the fragments of the plate in the space of the burial pit; 2 — fragment of the plate with openings of two types; 3 — fragment of the plate with traces of hammers; 4 — reverse side of one of the fragments of the plate

found fragments; b — art history analysis (iconographic analysis), with the aim of identifying compositional blocks, repeated motifs.

Let us turn to the technological characteristics of the fragments. The plate, obviously, was divided chaotically, without any kind of regularity, the lines of breaks are uneven, the edges are ragged. Practically on each fragment there is a blurred line, along which the object was presumably attached to the base. In addition, part

of the fragments has a decorative frame, which is probably the edge of the object. On the fragments there are openings for fastening of two types. The first — narrow, rounded, located along the edge of the decorative frame and perforated from the front side (fig. 1, 2-a). The second — wide, «ragged», applied haphazardly, part of them cut through the image of animals. Perforations of the image of animals, leaving unprocessed sharp edges (fig. 1, 2-b). It is assumed that the round openings could have been made at once

Рис. 2. Фрагменты декоративной пластины, фото и прорисовка (рисунок М. Головиной)

после изготовления предмета. «Рваные» отверстия, нанесенные бессистемно, скорее всего, являются результатом вторичного использования фрагментов изделия.

При осмотре обратной стороны фрагментов можно выявить некоторые особенности изготовления пластины. Чаще всего украшения такого рода выполнялись в технике басма на деревянной или костяной основе. Использовались, главным образом, мягкие

породы дерева, которые хорошо поддавались резьбе. В случае с публикуемыми фрагментами пластины невозможно точно идентифицировать, какой была основа: костяной или деревянной. Однако, то, что использовался один из данных материалов не вызывает сомнения. Негативы изображений на обратных сторонах фрагментов характеризуются высокой четкостью и детализацией, они также передают фактуру основы (рис. 1, 4). По краям пластинок видна линия

зажима, свидетельствующая о том, что лист золотой фольги и матрицу скрепляли с помощью тисков (рис. 1, 3). Прокатка выполнялась плотно, после чего острым ножом вырезались части, оставшиеся в низком барельефе. Тонким шилом или иглой на рамке пластины пробивались отверстия, через которые, изделие, вероятно, крепилось на кожаную (?) основу. Однако, в последствии пластина сломалась и отдельные ее части были утеряны. Скорее всего, после поломки предмета, нашивка фрагментов на рукав происходила по принципу браслета. Наиболее крупные из них находились посередине и образовывали небольшую бляшку, а мелкие шли по окружности обшлага (рис. 1, 1).

Однако, для реконструкции изначального облика пластины необходимо не только определить линию крепления всех фрагментов и обозначить замыкающие элементы. Прежде всего, требуется выделить композиционные блоки и обозначить сюжеты (сцены), представленные на изделии. Для этого обратимся к иконографическому анализу.

На фрагментах пластины можно выделить три образа — изображения оленя (рис. 2, 7—10), кошачьего хищника (рис. 2, 4, 6, 12) и стилизованного рога сайгака (рис. 2, 1, 3, 10). Все образы связаны между собой, а их сочетание дает целостную картинку, сюжет, который можно определить как сцена терзания оленя кошачьим хищником.

Рассмотрим каждый образ в отдельности, а также сюжет в целом. На пластине воплощена одна из самых популярных сцен скифо-сибирского звериного стиля. Кошачий хищник нападает на жертву сзади, хватая животное за нижнюю часть туловища. Сцена динамичная, мастер показывает момент за секунду до падения травоядного. Тело оленя вывернуто, как бы перекручено, по оси буквой S (рис. 2, 12). Изображение «перекрученного зверя» достаточно частый сюжет в искусстве ранних кочевников евразийских степей (см. например: [1, табл. 18, 19, 41; 2, рис. 35—37; 4, с. 32, рис. 22; 5, рис. 55, 82, 128, 157—161; 6, рис. 22, 24]). Зверь «стремится вырваться», голова травоядного опущена и прижата к груди, а копыта застыли в прыжке. Эффект динамики в позе оленя усиливается тем, что голова и рога переданы не прямо, а под углом, в восходящем направлении. Глаза животного каплевидной формы, имеют миндалевидный разрез. Одна из самых интересных деталей в изображении оленя — это его рога. Они вывернуты в одну сторону и переданы максимально реалистично, нижняя и верхняя часть рогов соединяются, образуя по середине круг. Похожий прием использован в изображении оленя из первого Уляпского кургана [8, с. 98, илл. 54, кат. № 267]. Образ кошачьего хищника экспрессивен, его пасть разомкнута и готова прокусить жертву, при этом лапа опущена и находится в статичном положении.

Изображения обоих животных профильные и контррельефные, с акцентами на мускулатуру тел. Кроме традиционной сцены терзания — образов кошачьего хищника и травоядного, вверху композиции, находится элемент в форме греческой розетки. Однако, вряд ли это чисто орнаментальный мотив. Как представляется, это стилизованное изображение рога сайгака. Прямые аналогии данному элементу

нам не известны, однако, довольно часто, кочевники вместо изображения всего животного показывали только самую характерную его часть. Похожие трансформации можно видеть в оформлении седла из первого Пазырыкского кургана [4, с. 96]. Рассматривая всю композицию в целом, нельзя не заметить ряд признаков, которые сближают стилистику изображений на пластине с образами животных в пазырыкском искусстве. Наличие четко проработанной мускулатуры, S-образно вывернутое тело травоядного животного, каплевидная форма глаз с миндалевидным разрезом, изображение кошачьего хищника с преобладающими чертами тигра, и, конечно, выбор такого сюжета, как сцена терзания.

В результате искусствоведческого анализа был определен один композиционный блок. Всего выделено пять групп, которые при соединении всех найденных фрагментов повторяют данный блок. Таким образом, определенные группы могут комбинироваться и соединяться в любом направлении. Эта особенность указывает на то, что при создании предмета мастер использовал прием зеркальной симметрии — горизонтальной или вертикальной. Поскольку точно неизвестно, как соединялся один сюжетный блок с другим, а часть фрагментов утеряна еще в древности, невозможно определить единственный конечный вариант реконструкции пластины. На наш взгляд, можно предложить четыре наиболее вероятных варианта первоначального вида пластины (рис. 3, 1—4). Изначально она могла использоваться как накладки на какой-либо предмет, например сумочку или головной убор.

При сравнительном анализе пластины с другими предметами из золота, найденными в погребении 5 кургана 3, можно выделить ряд ее отличительных особенностей. Во-первых, толщина золотой пластины как минимум в 2 раза меньше, чем толщина листа, пошедшего на изготовление гривны и браслетов. Во-вторых, пластина в отличие от других предметов — ажурная. И, наконец, в зверином стиле Южного Зауралья практически не представлены многофигурные композиции со сценами и сложными сюжетами. Исходя из этого, можно сделать следующие предположения: первое — пластина является импортным, полученной в результате этнокультурных контактов; второе — она изготовлена местными мастерами в подражание импортным образцам. Одним из факторов в решении данного вопроса может выступать сравнительный анализ состава металла предметов из золота, найденных в погребении 5 (см. табл.).

Выделяется три группы анализов. Четыре предмета (гривна, кольцо, бляшка и фрагмент изделия) из золота средней пробы имеют сходный состав (%): Au 82—84; Ag 12—14; Cu 3,4—4,4, что позволяет выдвинуть предположение об их производстве одним мастером, чему не противоречит и техника их изготовления. В этой же технике из низкопробного золота состава (%): Au 72—73; Ag 23—24; Cu 3—4 сделаны браслеты. В металле одного из браслетов выявлено включение осмия, который по соотношению осмия, рутения и иридия сходен с аналогичным минералом из золотых россыпей Кочкарского района в Южном Зауралье,

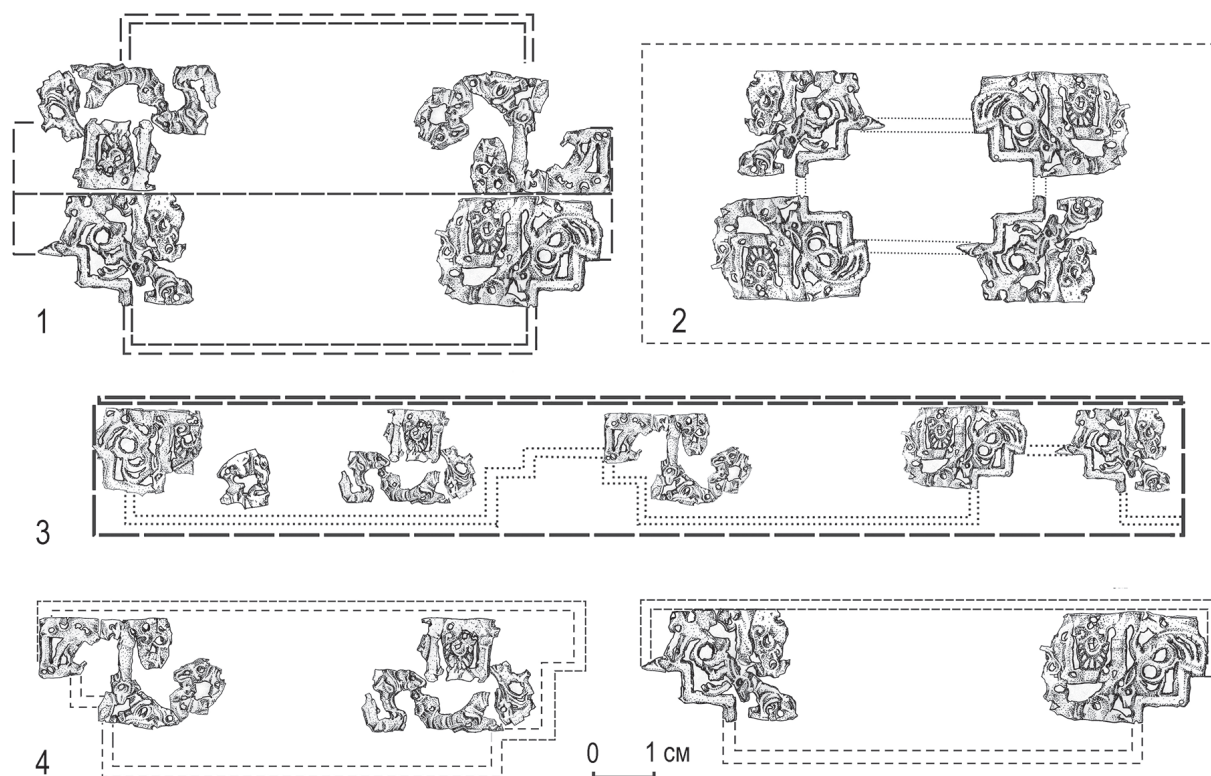

Рис. 3. Варианты реконструкции первоначальной формы пластины (рисунок М. Головиной)

Состав золотых изделий из могильной ямы 5 кургана 3 могильника Кичигино I

№ п/п	Изделие	Кол-во анализов	Содержание, мас. %			Пробность
			Au	Ag	Cu	
1	Фрагмент изделия ?	4*	82,80	13,22	4,33	825
2	Гривна	5	85,30	11,04	3,56	854
		5	84,61	11,33	3,57	850
		5*	85,30	11,04	3,56	854
		7*	81,80	14,39	4,41	813
3	Браслет	10	72,01	24,34	3,28	723
		6*	72,68	23,23	3,95	728
4	Фольга пластины	9	64,63	32,43	3,02	646
5	Фольга пластины	3*	77,46	21,79	0,43	777
6	Кольцо спиральное	6	81,84	14,30	3,77	819
7	Бляшка фрагмент	10*	83,39	11,85	4,47	836

Примечание. Анализы, отмеченные звездочкой (*), выполнены на микроанализаторе JEOL JXA-733, аналитик Е. И. Чурин; остальные — на приборе РЭММА 202М, аналитик В. А. Котляров, в Институте минералогии УрО РАН (г. Миасс).

расположенном чуть южнее могильника Кичигино I. Данное обстоятельство может свидетельствовать о местных источниках золота для производства части ювелирных изделий ранних кочевников Южного Зауралья.

Золотая фольга публикуемой декоративной пластины имеет сложный состав. При микрогеохимическом картировании установлено, что она изготовлена из двух пластинок низкопробного золота толщиной в десятки микрон состава (%): Au 65 и 77, Ag 32 и 22, Cu 3,0 и 0,4 [3, с. 47].

Таким образом, состав металла фольги не позволяет однозначно ответить на вопрос о месте

изготовления пластины. Однако, налицо технологические и стилистические особенности пластины, отличающие ее от других предметов, выполненных в традициях звериного стиля Южного Урала. Это склоняет нас в пользу предположения о том, что ажурная декоративная пластина, найденная в погребении 5 кургана 3, не является продукцией местных мастеров. Место ее изготовления и обстоятельства попадания на Южный Урал остаются неясными.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00205.

Литература и источники

1. Акишев, К. А. *Курган Иссык. Искусство саков Казахстана* / К. А. Акишев. — Москва : Искусство, 1978. — 131 с.
2. Грязнов, М. П. *Первый Пазырыкский курган* / М. П. Грязнов. — Ленинград : Изд-во Госэрмитажа, 1950. — 85 с.
3. Зайков, В. В. *Состав золотых изделий из курганов Южного Урала* / В. В. Зайков, А. Д. Таиров, А. М. Юминов, Е. И. Чурин, В. А. Котляров // *Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий»*. Оренбург, 21—25 апреля 2008 г. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. — С. 46—49.
4. Переводчикова, Е. В. *Язык звериных образов: очерки искусства евразийских степей скифской эпохи* / Е. В. Переводчикова. — Москва : Восточная литература, 1994. — 206 с.
5. Руденко, С. И. *Культура населения Горного Алтая в скифское время* / С. И. Руденко. — Москва : Изд-во АН СССР 1953. — 402 с.
6. Руденко, С. И. *Культура населения Центрального Алтая в скифское время* / С. И. Руденко. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1960. — 360 с.
7. Руденко, С. И. *Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая* / С. И. Руденко. — Москва : Искусство, 1968. — 136 с.
8. *Сокровища курганов Адыгеи. Материалы Кавказской археологической экспедиции ГМИИВ 1981—1983 гг.* — Москва : Советский художник, 1985. — 152 с.
9. Таиров, А. Д. *Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты)* / А. Д. Таиров, С. Г. Боталов, М. Л. Плишанов // *Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий»*. Оренбург, 21—25 апреля 2008 г. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. — С. 139—145.

МОЛЧАНОВА Влада Витальевна, аспирант, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: vlarech@inbox.ru

ТАИРОВ Александр Дмитриевич, доктор ист. наук, директор Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Российская Федерация). E-mail: tairovad@susu.ru

Поступила в редакцию 21 августа 2020 г.

DOI: 10.14529/ssh200407

DECORATIVE PLATE FROM THE GRAVE 5 KURGAN 3 OF THE BURIAL GROUND KICHIGINO I

V. V. Molchanova¹ vlarech@inbox.ru,
A. D. Tairov² tairovad@susu.ru

¹ Institute of History and Archeology, Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation.

² South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation.

The paper analyzes fragments of the golden foil, which were found during the investigation of grave 5 kurgan 3 of Kichigino I burial ground. Initially these fragments probably were the parts of openwork decorative plate with depicted scene of animal torment on it according to the Scythian and Siberian animal style image tradition. Authors assume four variants of form reconstruction. Stylistic and technological features of the plate distinguish it from other adornments, which were found during the investigations both in the burial 5 and kurgan 3. Generally this article is not typical for art image traditions of Southern Trans-Urals animal style.

Keywords: Southern Trans-Urals, Early Iron Age, animal style, decorative plate, adornments.

The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No 20-09-00205.

References

1. Akishev K. A. *Kurgan Issyk Iskustvo sakov Kazahstana* [Kurgan Issyk. Art of Kazakhstan Sakas]. Moscow: Art Press, 1978, 131 p.
2. Grjaznov M. P. *Pervyj Pazyryk'skij kurgan* [The First Pazyryk kurgan]. Leningrad: State Hermitage Publishing House, 1950, 85 p.
3. Zaykov V.V., Tairov A. D., Yuminov A. M., Churin E. I., Kotlyarov V. A. *Sostav zolotykh izdelij iz kurganov Juzhnogo Urala* [Composition of golden articles from Southern Trans-Urals mounds] // *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rannie kochevniki Juzhnogo Priural'ja v svete novejsih arheologicheskikh otkrytij»* [Early nomads of Volga-Ural region: proceedings of international scientific conference «Early nomads of Southern Cis-Urals in light of the newest archaeological discoveries». Orenburg, April 21—25 2008]. Orenburg: OGPU Publishing House, 2008, pp. 46—49.
4. Perevodchikova E. V. *Jazyk zverinyh obrazov: Oчерki iskusstva evrazijskikh stepej skifskoj jepohi* [The language of animal images: Art essays of Eurasian steppes in Scythian epoch]. Moscow: Publishing company «Eastern Literature» RAS, 1994, 206 p.

5. Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoye vremya* [Culture of Mountain Altai population in Scythian time]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1953, 402 p.
6. Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniya Central'nogo Altaja v skifskoe vremya* [Culture of Central Altai population in Scythian time]. Moscow—Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960, 360 p.
7. Rudenko S. I. *Drevnejshie v mire hudozhestvennye kovry i tkani iz oledenelyh kurganov Gornogo Altaja* [The most ancient art carpets and fabrics in the world from Mountain Altai frozen kurgans]. Moscow: Art Press, 1968, 136 p.
8. *Sokrovishha kurganov Adygei. Materialy Kavkazskoj arheologicheskoy jekspedicii GMINV 1981—1983 gg.* [Treasures of Adygea mounds. Proceedings of Kavkaz archaeological expedition SMAPO 1981—1983]. Moscow: Soviet artist Press, 1985, 152 p.
9. Tairov A. D., Botalov S. G., Pleshonov M. L. Issledovaniya kurgannogo mogil'nika Kichigino v 2007 godu (predvaritel'nye rezul'taty) [Surveys of mound burial ground Kichigino I in 2007 (preliminary results)] // *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rannie kochevniki Juzhnogo Priural'ja v svete novejsih arheologicheskikh otkrytij»*. Orenburg, 21—25 aprelja 2008 g. [Early nomads of Volga-Ural region : proceedings of international scientific conference «Early nomads of Southern Cis-Urals in light of the newest archaeological discoveries». Orenburg, 21—25 April 2008]. Orenburg: OGPU Publishing House, 2008, pp. 139—145.

Received August 21, 2020

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Молчанова, В. В. Декоративная пластина из погребения 5 кургана 3 могильника Кичигино I / В. В. Молчанова, А. Д. Таиров // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2020. — Т. 20, № 4. — С. 51—57. DOI: 10.14529/ssh200407

FOR CITATION

Molchanova V. V., Tairov A. D. Decorative plate from the grave 5 kurgan 3 of the burial ground Kichigino I *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2020, vol. 20, no. 4, pp. 51—57. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh200407
